

1.

Однажды утром мой научный руководитель Джейми Гудвин вызвал меня к себе в кабинет по «не очень срочному, но очень странному» делу.

— Послушай, Алекс, я тут получил письмо... Насколько я понял, оно из России. Так вот, не мог бы ты перевести его с английского на английский? То есть с английского — на русский, а потом — обратно на английский. А то я, сколько ни пытался, так и не уловил, что от меня хотят. Понял только, что это не спам: пишет реальный человек и, кажется, просит о помощи. Вот погляди. — И Гудвин показал мне послание с таким видом, что можно было подумать, речь идет о рукописи Войнич или каких-нибудь «пляшущих человечках».

Но, разумеется, никакой великой загадки тут не было. Просто человек, не владеющий английским, составил письмо при помощи словаря или, что еще вероятнее, воспользовался автоматическим переводчиком. Получилась абракадабра. Однако обратной операции через тот же онлайн-переводчик не проделать. Придется расшифровывать вручную, продираясь сквозь такие невообразимые конструкции, как «we implore you to mean» (в оригинале: «просим Вас иметь в виду»).

После полутора часов шампольнона труда изначальный смысл послания начал проступать, как молочная тайнопись из школьных рассказов про Ильича. Писала сотрудница Сибирского института физиологии и биохимии растений. Вряд ли американские коллеги когда-нибудь слышали об их лаборатории. Зато она хорошо знает наши работы и спешит сообщить нам, что бикарбонат-зависимая аденилатциклаза, которая, как показал профессор Гудвин, играет немаловажную роль в физиологии человека, важна также для роста высокоурожайного картофеля Гала. Изучение данного сорта картофеля представляет огромный интерес с точки зрения... И так далее, и тому подобное. В конце письма Валентина (так звали сотрудницу) предлагала уважаемому профессору Гудвину соавторство в будущих публикациях в обмен на антитела к вышеозначенному ферменту. «Конечно, — писала она, — мы понимаем, что антитела стоят дорого. Мы готовы заплатить Вам за них, но просим иметь в виду (we implore you to mean), что в настоящее время бюджет нашей лаборатории составляет порядка тридцати долларов». Я передал суть письма начальнику.

— Тридцать долларов? — удивился Гудвин. — Минимальная алиquota стоит больше тысячи! Ладно, у нас все равно сейчас этих антигел столько, что девать некуда. Напиши им, пусть пришлют адрес, а кровные тридцать баксов пусть оставят себе. Ради такого важного дела, как картофель Гала, и поделиться не грех.

Ответ не заставил себя ждать:

«Здравствуйте, Александр! Вы не представляете, какой подарок нам делаете! Если Вам будут интересны в дальнейшем результаты наших исследований, мы с удовольствием их Вам представим. Вот наш адрес: ...

P.S. Как хорошо, что Вы пишете по-русски! Александр, не сочтите за нескромность и навязчивость, но у нас есть возможность пригласить Вас летом на Байкал. Если это Вас заинтересует, дайте знать.

С уважением, Валентина»

— Джейми, нас приглашают на Байкал!

— Куда-куда? — Профессор Гудвин вскинул брови.

— На Байкал, в Сибирь. Поедем?

— В Сибирь? Нет, спасибо. Я читал «Архипелаг ГУЛАГ», мне хватило.

— Да при чем тут «Архипелаг ГУЛАГ»? Байкал — это сказочные красоты, место, где должен побывать каждый! — уговаривал я (если научное дело не выгорит, пойду в туроператоры).

— Не сомневаюсь, что сказочные, — сухо ответил Гудвин. — Но я, пожалуй, ограничусь Вермонтом. А ты, если хочешь, поезжай. Назначаю тебя официальным представителем нашей лаборатории в Сибири.

Представительствовать в одиночку не хотелось. Мне было двадцать семь лет, и шестнадцать из них я провел на Западе. В России за это время я побывал единожды: съездил на питерский поэтический фестиваль. Но туда я отправился с Кенжеевыми, чья родительская забота гарантировала, что на протяжении всей поездки я буду пребывать в подпитии и в безопасности. Тогда было много заплетающихся бесед о литературе; была роскошная съемная квартира на улице Рубинштейна, где мы куролесили сначала с Глебом Шульпяковым, потом с Сашей Кабановым. А тут — никаких поэтических бдений, никаких прогулок «вдоль Мойки, вдоль Мойки». Все серьезно: командировка в Иркутск, неведомый институт с аббревиатурным названием СИФИБР. Что еще за сифибр?

Лучший способ подготовиться — найти себе попутчика, еще менее подготовленного, чем ты сам. И я нашел его, попутчика, чей выговор выдавал техасца, а имя и фамилия — мексиканца (сам себя он называл «текс-мекс»). Чей род испокон веков батрачил на ранчо близ Сан-Антонио: потомственные фермеры-арендаторы, собиратели ореха пекан. Собирать пекан — работа не хуже прочих; никаких ужасов в духе Стейнбека. Жили — не тужили, другим не досаждали.

Могло ли им прийти в голову, что наступит день, когда их сын Энрике, сызмальства проявлявший нездоровый интерес к наукам, поступит в мединститут и аспирантуру Корнельского университета и уедет от них в непредставимый Нью-Йорк, буквально на край Земли? Объявление Энрике о том, что он едет учиться на Восточное побережье, стало для семьи потрясением, от которого долго не могли оправиться. Когда же, пять лет спустя, он позвонил им из Нью-Йорка и сообщил, что собирается с приятелем в Сибирь, это известие не вызвало никакой реакции. Его родители не читали ни Шаламова, ни Солженицына, никогда не бывали за пределами тexasского округа Беар и, по-видимому, имели весьма смутное представление о заморской географии. «В добрый час, сынок. Скажи, а далеко эта твоя Сибирь от Нью-Йорка?»

С Энрике мы познакомились тремя годами раньше на мединститутской вечеринке, где праздновали не то сдачу экзамена по анатомии, не то отмену одного в связи с болезнью профессора. Пиво в пластмассовых стаканчиках, водка Sky в грушевидных ретортах. Устав от галджеа, я вышел подышать свежим воздухом. Он сидел на крыльце и играл на губной гармошке.

— Привет. Я — Энрике. Ты играешь на чем-нибудь? — Я ответил, что могу взять три дворовых аккорда на гитаре. — Вот и отлично. Тащи гитару, будем музицировать вместе.

Я принес, Энрике взял инструмент в руки («можно я настрою?»), и тут выяснилось, что передо мной — профессионал.

— Ну что, поиграем вместе? — спросил он, возвращая мне настроенную гитару.

— Нет уж, давай ты будешь играть, а я буду слушать.

Так началась моя дружба с тexasско-мексиканским самородком. В течение четырех лет мы вместе грызли аспирантский гранит науки, работали в одной и той же лаборатории (я по пять раз на дню обращался к нему за советом по части тонкослойной хроматографии). Были соседями по общежитию. Виртуозный музыкант, первостатейный ученый, человек исключительной порядочности, обаятельный, остроумный, интеллигентный — таков Энрике. Горжусь знакомством и тем, что это я когда-то привел его к нам в лабораторию. Впрочем, долго уговаривать его тогда не пришлось. Так же, как и теперь, с поездкой в Иркутск: я предложил — он согласился.

— Слушай, Энрике, у нас тут обнаружили коллег в Сибири. Изучают аденيلاتциклазу в картошке. Зовут к себе. Поедешь со мной на Байкал? Там — красота, «taiga woods».

— Да? А я-то думал, что Тайгер Вудс живет в Калифорнии...

— Нет, я — серьезно.

— И я — серьезно: Байкал так Байкал. Если ты говоришь, что это круто, почему бы и не съездить? Поехали.

И я бросился планировать путешествие. Если уж ехать, так с размахом: Байкал, Бурятия, Якутия. Признаться, сам я об этих местах знал ненамного больше, чем мой тexasский попутчик. Но Энрике доверял мне безоговорочно, и это окрыляло. Если с другом вышел в путь...

2.

И вот мы летим из Москвы в Иркутск на той самой «ТУшке», о которой Энрике, удосужившийся, наконец, навести кое-какие справки, прочел пугающую заметку: дескать, конструкция старая, ненадежная; то потолочная панель обвалится, то еще что. Так пишут на вебсайте TripAdvisor, и Энрике, внявший их предостережениям, в последнюю минуту начинает мандражировать. Я отвергаю все кривотолки, приводя в доказательство неоспоримый довод: если самолет, собранный столько лет назад, все еще способен подняться в воздух, значит конструкция — надежней всех современных. На таком самолете летал мой дед, долетим и мы, бояться нечего. Но Энрике читает дальше: оказывается, в Иркутском аэропорту слишком короткая взлетно-посадочная полоса, и там каждые пару лет, если не чаще, случаются аварии. Я знал об этом? Знал? Если бы я предупредил его вовремя, он бы десять раз подумал прежде, чем подписываться на такую авантюру. Я увожу разговор в сторону; говорю, что неплохо было бы пропустить по сто грамм для успокоения души и нервов. Но тут — загвоздка: ведь Энрике у нас не пьет. Вообще не употребляет спиртного. В Нью-Йорке эта его особенность воспринималась как данность: не пьет и не пьет. Но сейчас, безуспешно пытаюсь уклониться от несвоевременных расспросов («А ты уверен, что нас там встретят? А что, если нет?»), я со всей ясностью понимаю, что в Сибири трезвеннику Энрике будет нелегко. «Мне кажется, на время нашего путешествия тебе стоило бы поступиться своими принципами в отношении алкоголя. Без выпивки ты там просто рехнешься». Энрике разочарованно качает головой, отворачивается к иллюминатору. Мы в пути уже почти сутки, надо хоть немножко поспать. Спокойной ночи, Алекс. Спокойной ночи, утро вечера му... Но заснуть мне так и не удалось.

Как только слева захрапел Энрике, справа зазвенели бутылки. Сосед с мутно-голубыми глазами, с волосами и кожей одного и того же цвета выгоревшей соломы, извлек из портфеля три «Балтики № 9» и переложил их в сетку на спинке кресла. К распитию готов. «Хау ю ду-ду, итс май нэйм Сергей», — обратился он ко мне. Я предложил перейти на русский.

— О, а я думал, вы иностранцы.

— Мы и есть иностранцы. Только мой друг — совсем иностранец, а я — не совсем.

— Выпьем, — заключил Сергей и нажал на кнопку вызова бортпроводницы. — Принесите нам водки, пожалуйста.

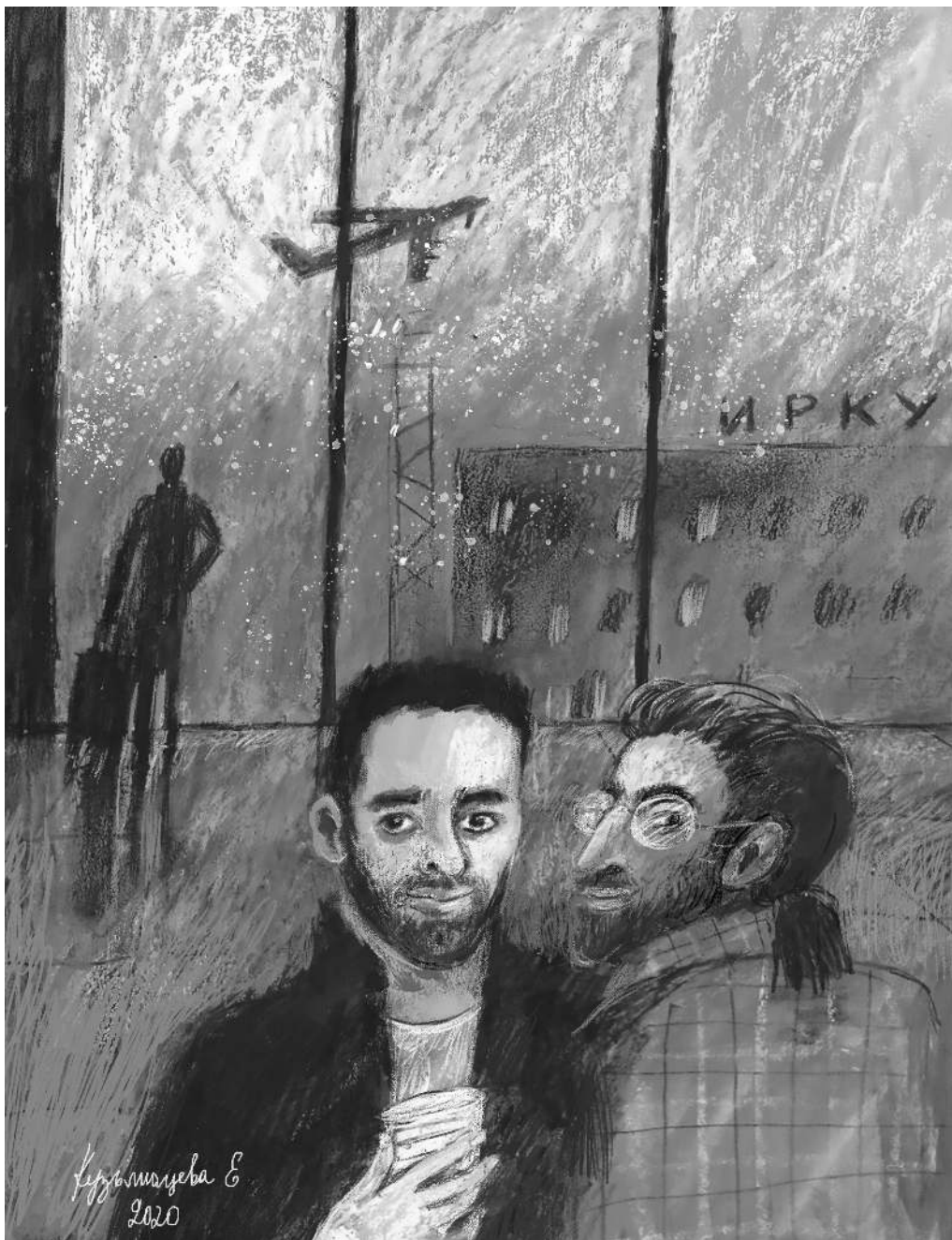
— А «Балтикой» запивать, что ли, будем? — поинтересовался я.

— Гы, — припухшее лицо Сергея расплылось в ласковой улыбке, — иностранца-анцы.

Между первой и второй мой новый знакомец вкратце рассказал о себе: инженер-мостостроитель, иркутянин. По работе вынужден все время мотаться в Москву. Но, если честно, — вздрогнули, снова налили, — он терпеть не может эти перелеты. У них же в Иркутске взлетно-посадочная полоса короткая — я слышал, наверное? — еще со сталинских времен. Странно, тогда вроде следили, чтобы все было как полагается, но тут — явный недосмотр. Какой-то дегенерат спроектировал. С тех пор самолеты и бьются, как хрусталь. Вот недавно еще один разбился. Так что Сергею, человеку, в общем, непьющему, всякий раз во время полета приходится маленько накалеть. Иначе не выдержать, очко-то играет. Девушка, еще две порции, пожалуйста... Ну, а я-то сам откуда и куда, неужели правда иностранец?

После пятой началось братание («Сань, ну ты же наш человек, родной, понимаешь?»); после седьмой Серега поведал, что он — не просто какой-то там инженер, а человек со связями, всех знает, все, что надо, достанет. В этом гребаном Иркутске все под ним ходят. Я-то их реалий не знаю, уехал ребенком, теперь лечу неизвестно куда. Сергею за меня страшно. Что за СИФИБР такой? Наверняка разводка. Но он меня в обиду не даст, научит, как надо. С этими сифибрскими — ухо остро. Главное, сразу дать им понять, что мы с Серегой — кореша. Так и сказать, мол, я — от Сереги. Тогда они распоясываться не станут. А если станут, то вот его телефон — у меня есть где записать? Запомню? Звонить можно в любое время. Он или сам приедет, или пришлет кого-нибудь из своих. За ним не заржавеет. А то, может, на хрен этот СИФИБР вовсе? Поедем к Сереге, у него дача есть, там сейчас хорошо. Он мне все красоты покажет.

После десятой стюардесса с прискорбием сообщила, что водки на борту не осталось. От этой новости настроение резко испортилось, и меня заподозрили в международном шпионаже. «Сань, а почему ты американец? Не, я понимаю, ты был маленький, тебя увезли и все такое. Но ведь ты же теперь американец. А говоришь, как наш. Маскируешься, значит? Зачем ты сюда приехал? А, Сань? В СИФИБР, говоришь? СИФИБР тебе не поможет...» В этот момент самолет пошел на посадку, нас попросили пристегнуть ремни. Серега запнулся и посмотрел на меня безумными глазами. «Молиться надо, Сань. На посадку идем. Значит, надо молиться, чтоб не разбились. Давай вместе: Господи!» В иллюминаторе зарозовела полоска зари. Никогда я не видел, чтобы самолет снижался так медленно. Короткая взлетно-посадочная полоса — это тебе не просто так. Русская рулетка... От выпитого раскальвалась голова, сосало под ложечкой. «Господи! — трубил мне в ухо сосед, изрыгая зловонные пары перегара. — Господи, ты меня слышишь? Это же я, Серега! Тут еще какие-то америкосы со мной... Сделай так, чтоб мы не разбились!»

ИРКУ

Кызылмарыева Е
2020

3.

Они стояли навытяжку: завлаб Анатолий Макарович, старшая сотрудница Валентина и аспирантка Лиза. Похоже, они ждали важную американскую делегацию. Распрями спину, подтяни живот, встречай заморского гостя. Но вместо делегации из самолета вышли мы с Энрике, два занюханных аспиранта. На лице Лизы отразилось разочарование, на лице завлаба — облегчение. Он как-то сразу преобразился, неестественно-напряженное выражение лица сменилось естественным — похмельно-добродушным. Погрузились в микроавтобус. Пока ехали, Валентина на заднем сидении шепотом рекламировала ментора: Анатолий Макарович — светлая голова, святой человек. Сам поднял лабораторию, продолжал тянуть ее, когда им фактически перестали платить зарплату. Умудрялся двигать науку на нулевом бюджете. Биолог каких поискать. Между прочим, в свои семьдесят лет он находится в прекрасной физической форме. По горам бегаёт, как двадцатилетний, даром что курит по две пачки в день и пьёт не в меру. Дай Бог, чтоб его организм и дальше выдерживал все эти нагрузки... Тут ментор, повернувшись к нам, сделал дурашливо-недовольное лицо, цыкнул на Валентину: «Чего попусту языком молоть? Вот приедем, нальём, тогда и поговорить можно будет. В баньке попаримся, все по-людски. Кто это у вас там непьющий? Энрике? Перевоспитаем вашего Энрике Иглесиаса. Не Иглесиас, нет? А кто тогда? Техасец? Техасский рейнджер! Чтобы прилететь из такого далека и даже не посидеть как следует? Нет, Энрике, так не пойдет. В чужой монастырь со своим уставом... Кстати, о монастырях. Сейчас мы вас в гостиницу отвезем, поспите малость. А к полудню заедем за вами и поедем город смотреть. Интересного-то у нас много: Знаменский монастырь вот, набережная Ангары, памятник Колчаку есть, кладбище декабристов... Подходит вам такое? А наукой займемся уж завтра».

Перед тем, как отправиться на боковую, мы с Энрике зашли позавтракать в гостиничную столовую. Господи, вот оно, самое-самое: гречневая каша, сосиска, кисель, сметана в розетках. Дебелой работнице общепита, швыряющей комья еды в алюминиевую посуду, не понять моего восторга. Я отсутствовал шестнадцать лет и наконец вернулся. Эта речь, эти лица, эти душемутительные запахи советского детства... В Москве и Питере давно уже пахнет по-другому, а здесь, в сибирской глуши, знакомые запахи продолжают жить, держатся, несмотря ни на что, как наука, которую двигает неутомимый Анатолий Макарович. «М-да, — сказал техасский рейнджер, через силу жуя недоваренную кашу, — мне кажется, я ем стружку».

4.

К перевоспитанию моего друга завлаб Анатолий Макарович отнесся со всей серьезностью. Пока мы с Энрике жили в гостинице, дело ограничивалось ежевечерними застольями у родителей Валентины, счастливых обладателей трехкомнатной квартиры в центре города. Там нас кормили на убой всевозможными

пирогам, солениями, сагудаем из омуля и прочими сибирскими деликатесами, и под это дело завлаб поминутно подливал себе, а заодно тянулся к бокалу Энрике, норовил добавить, пока тот не смотрит, «шоферские двадцать грамм» в клюквенный морс. Но Энрике был бдителен, прикрывал бокал рукой, отстранял подносимую бутылку, словно тот ясноглазый ариец с антиалкогольного плаката, перекочевавшего впоследствии на хипстерские футболки. Техасский рейнджер Энрике Иглесиас налегал на домашние пирожки с рыбой и рисом, сторонился недоваренной гречки в столовке и решительно отвергал зеленого змия, мотивируя свой отказ тем, что нам предстоит много славных и ответственных дел. Ведь мы приехали сюда заниматься наукой.

На второй день пребывания в Иркутске у нас был назначен доклад «Бикарбонат-зависимые аденилатциклазы в животных клетках и микроорганизмах», а третий день был отведен для обсуждения будущих совместных проектов. При желании все это можно было бы успеть и за один день, но завлаб рассудил, что горячку пороть не стоит. На доклад пришло человек пятнадцать. Безулыбчивый человек в тонированных очках, сидевший в первом ряду, задавал вопросы. В его внешности и интонациях было что-то такое, что заставляло меня робеть и мямлить. Начальственно-попрекающий тон. Еще не успев толком понять, о чем речь, начинаешь оправдываться. Я чувствовал себя учеником, которого вызвали в кабинет к директору школы. Неудивительно: ведь я не слышал этих интонаций с одиннадцатилетнего возраста, и моя иммунная система не выработала на них никакого ответа. Я-взрослый не знаком с этим типажом; с ним знаком только я-ребенок. К счастью, Анатолий Макарович вовремя пришел на выручку, осадив моего истязателя какой-то незлобивой шуткой.

Что же касается совместных проектов (день третий), мы трудились на совесть, хотя, возможно, разделение труда у нас получилось не вполне равным. Пока мы с Анатолием, еще не успев прийти в себя после давешних возлияний, только и делали, что отлучались в курилку, Энрике и Валентина усердно писали заявку на грант. Корпели над этим заявлением, что-то конспектировали, составляли план, объясняясь друг с другом на пальцах, и бросали на нас укоризненные взгляды. Но ведь и мы у себя в курилке тоже обсуждали науку. Правда, ученый наш дискурс все время сползал на какие-то посторонние темы. Например, на этимологию слова «позы». Так называются бурятские пельмени (как выяснилось, отменная закуска).

— Почему же все-таки «позы», — вопрошал Анатолий Макарович, — откуда такое слово? Калмыки называют это блюдо «бёреги», а монголы — «бууз». Но у вас в английском ведь тоже есть слово «booze», по нашему — бухло. Этот «booze» как раз понятен: буза, бузить. Однако каким образом пельмени превратились в выпивку? Тут сложные химические процессы... Или это две разных «бузы»? В огороде, как говорится, бузина, а в Киеве... Стоп. Есть еще тюркский напиток «боза», я его пробовал когда-то в Болгарии. Алкоголя в нем мало, но общее

ощущение брожения осталось. Такая густая брага из пшеницы. Полубрага, полубрага. То есть, соображаешь, сразу и мучное, и спиртное. Но вот еще в старину говорили «почить в бозе». Что это за «боза»? Помню, в детстве, когда я слышал это выражение от взрослых, всегда представлял себе человека, упавшего в бочку с мутной жидкостью — с «бозой» то есть. Но потом заглянул в словарь. Оказалось, «бозе» — это «Боже». Почить с Богом. А бурятские «позы» происходят от китайского «баоцзы». Китайцы, значит, встали в позу и от нашей бузы открещаются. Вот тебе и этимология. Век живи — век учишься.

А Энрике и Валентина все корпели, печатали на допотопном компьютере... Увы, то был напрасный труд. Вершителей судеб из Национального научного фонда США не заинтересовали ни наша аденилатциклаза, ни физиология высокоурожайного картофеля Гала. Нам не дали гранта. Но зато мы с Энрике побывали в Иркутске, оделили наших коллег неиссякаемым запасом моноклональных антител к никому не нужному белку, а заодно посетили знаменитую Листвянку и архитектурно-этнографический музей «Тальцы». Видели там эвенкийское стойбище, бурятский улус, башни Илимского острога и церкви, построенные без единого гвоздя. Видели старые сибирские дома с крашеными ставнями и сплошными заплотами из промороженных плах. Бродили по закоулкам спальных районов Иркутска, среди пятиэтажек и дворов, от которых пахло моим детством. Сидели на бордюре и, лузгая семечки, битый час смотрели, как повариха из нашей гостиницы кормит с руки голубей. Травили анекдоты с чудесным Анатолием Макаровичем, слушали его байки о летающих тарелках, о таинственной «энергетике» Восточно-Сибирской рифтовой зоны, об экстрасенсорных чудесах японской системы «рейки». Лазали по заваленным камнями тоннелям и галереям Старобайкальской железной дороги, а в конце маршрута, выползая из темноты тоннеля, увидели, как закатный свет стелется по таежной просеке. «Хватит на всю длину потемок».

И за все это время Энрике не выпил ни капли. Вот она, выправка потомственного собирателя ореха пекан. Но на пятый день, выписавшись из гостиницы, мы переехали на дачу к Валентине, где после ссоры с супругой квартировал Анатолий Макарович. Тут-то и началось настоящее перевоспитание. В восемь часов утра завлаб-искуситель уже стоял над постелью своей жертвы с наполненной рюмкой.

— Гуд монинг, Энрике, плиз... А литл бит рашен водка.

— No, Anatoly, no! — стонал Энрике, силясь продрать глаза. Но в ответ настырный Anatoly только скраивал заботливо-просительную мину, как будто собирался кормить капризного дитя, приговаривая «ложку за маму, ложку за папу».

— Ну, плиз, Энрике, ю маст. Итс лайк микстура.

— OK, I give up, hand me the damn drink (*Ладно, сдаюсь, давай сюда чертову выпивку)... — В отличие от нашего научного сотрудничества, алкогольная кампания Анатолия увенчалась полным успехом.

— Вот это дело, Энрике, выпьем. Одну-то рюмашку можно. Главное, надо помнить: всему свое время. С утра, например, можно и водочки пригубить. Вечером — тоже можно, особенно после бани. А вот в обед надо обязательно пить монгольский чай. Тогда и голова болеть не будет. Это меня в свое время один бурят научил. Работает безотказно.

Позволю себе лирическое отступление: монгольский чай для меня не новинка. Этим плиточным чаем с маслом, солью и мускатным орехом меня угощал когда-то нью-йоркский приятель Чингиз. Он, надо сказать, много чем угощал. Когда мы только познакомились, он продекламировал перевод «Евгения Онегина» на калмыцкий язык — чуть ли не до третьей главы. И в тот же вечер, после обильных возлияний, он убеждал меня, что Гегель где-то в своих многотомных изысканиях выделяет три «первичных этноса», от которых якобы происходит вся мировая культура. Одним из них, понятное дело, оказываются калмыки. Мать Чингиза, известная актриса, в свое время была министром культуры Калмыкии, а сам Чингиз окончил журфак МГУ и впоследствии занимался всем на свете кроме журналистики. Еще в студенческие годы он обнаружил в себе антрепренерскую жилку. Было самое начало девяностых, каждый промышлял чем мог. Вернувшись на каникулы домой в Элисту, Чингиз поехал в степь и стал собирать там рога сайгака с намерением продавать их китайцам, у которых панты считаются панацеей. Но, как выяснилось, этим товаром уже торговали другие, далекие от МГУ люди. Чингиз вляпался в какую-то историю и от греха подальше уехал в Штаты. Здесь он пробовал себя в качестве уолл-стритовского дельца, торговал недвижимостью, несколько раз открывал собственный бизнес — то строительную компанию, то страховую контору, то еще что-то. При этом вращался в основном в артистических кругах: привык к этой среде с детства. Особенно тянуло Чингиза ко всяким знаменитостям и, странное дело, знаменитостей тоже тянуло к нему. Помню вечер Андрея Битова в редакции журнала «Слово/WORD» в 2002 году. После выступления классика обступили галдящие поклонники и поклонницы. Через эту толпу было не протолкнуться. Вдруг поверх какофонии восторженных междометий раздался спокойный голос моего приятеля: «Андрей Георгиевич, меня зовут Чингиз, и вот какая история со мной приключилась...» Неожиданно все замолчали, прислушиваясь к рассказу о том, как в далекой Калмыкии юный Чингиз сидел в сортире и среди подтирочной макулатуры обнаружил листок, вырванный из журнала «Юность». Там был напечатан рассказ Битова... и так далее. На протяжении повествования Битов регулярно прикладывался к фляжке и, казалось, ничего не слышал. Но час спустя, когда автор «Пушкинского дома» окончательно утратил связь с реальностью, его заплетающийся язык снова и снова выговаривал только одну фразу: «А где Чингиз? Где Чингиз?» В другой раз мы с Чингизом пошли выпить в «Русский самовар». В дверях нас встретил Роман Каплан со словами «у нас сегодня сам Жванецкий ужинает». И действительно, в противоположном конце зала сидел Жванецкий с антура-

жем. В этот момент я увидел кого-то из знакомых и, отвлекшись, потерял из виду уже довольно пьяного Чингиза. Но три минуты спустя, я отчетливо услышал негромкий голос, загадочным образом перекрывающий остальные голоса: «Михаил Михайлович, меня зовут Чингиз, и вот какая мысль пришла мне в голову на днях...» Какая именно мысль осенила Чингиза, я так и не услышал, но еще через несколько минут, бросив взгляд на ВИПовый стол в глубине зала, увидел картину, достойную пера живописца: во главе стола восседает Жванецкий, а рядом с ним — Чингиз. Жванецкий полубовно обнимает своего нового знакомого и наливает ему из мерзавчика. Ай да Чингиз. В последнее время мы видимся редко, так как он теперь человек непьющий и семейный. Его жена — калмычка, живущая на Тайване. Три года назад у них родился сын, Амурсанчик. Не удивлюсь, если когда-нибудь Амурсан Чингизович станет президентом Калмыкии.

Итак, мы чередовали рашен водку с монгольским чаем, а на следующее утро собрали манатки и отправились в поселок Большие Коты, где нас должен был встретить сын Валентины Ваня — скалолаз-перворазрядник, отвечавший за таежно-походную часть программы. После дачного отдыха вид у нас был не бойскаутский. Глядя на наши опухшие физиономии, Ваня сыграл лицевой мускулатурой.

— Вам сейчас только в поход, конечно...

— Ванечка, — начал дрожащим голосом Анатолий, — а нет ли тут поблизости... магазина?

— Вечером будете поправляться, — строго отвечивал Ваня. — У меня с собой есть. Но сейчас нам надо поторапливаться: идти далеко. Таким темпом мы и к вечеру не доберемся.

Так вот в чем состояла истинная цель нашей поездки: учиться скалолазанью. Мы разбили палатки у подножия горы Скрипер. С вершины этого утеса открывается головокружительный вид на Байкал. И, хотя Ваня заранее предупредил, что «лазать без снаряги — гиблое дело», никто из нас не погиб, благодаря его умелому инструктажу. «Вообще-то у каждого в группе должна быть своя роль. Один — забойщик, другой — верблюды, третий — вышибала. Но у нас все равно нет снаряги, так что вы просто лезьте, как умеете, а я полезу последним, буду контролировать процесс. Тут внизу можно пехом, а вот там, повыше, надо будет распариваться... Осторожно, эй, там все живое!.. Траверсом, траверсом... Туда не надо, там уже четверочка, опасно...» Это был какой-то неведомый язык, альпинистская феня. И это было единственным, что я усвоил. Не технику скалолазания и не азы спортивного ориентирования, которые терпеливо втолковывал нам инструктор Ваня, а именно этот жаргон. На второй день похода я, полный чайник, уже вовсю сыпал Ваниными словечками, ощущая свою причастность к экстремальному виду спорта.

Мы собирали грибы, ловили омуля на «кораблик», купались в тринадцатиградусной воде Байкала, соорудили баню по-черному. Естественно, после всего

этого следовало основательно поддаться. На сей раз Энрике не стал отпираться. Анатолий Макарович наливал, произносил вдохновенный тост и наливал снова. «А теперь за...» — начал было завлаб-тамада, в очередной раз поднимая жестяную кружку, но тут его неожиданно перебил Энрике: «Нет, давайте скажу я. Мне столько всего хочется вам сказать, но я не знаю вашего языка, а через переводчика — не обижайся, Алекс — все не то. К счастью, у нас есть международный язык музыки. Можно одолжить гитару?» Я перевел его речь, все заплодировали, Ваня достал гитару, и Энрике выдал сногшибательное арпеджио в духе Эла Ди Меолы. Анатолий пристукивал в такт. Я почувствовал, что опять перебрал; стараясь протрезветь, кое-как поднялся на ноги и поплелся в сторону озера. Вокруг ночь, «небо в алмазах». Звезды отражаются в воде, но самой воды не видно, то есть не видно границы между водой и небом. Просто стоишь на берегу, а в метре от тебя начинаются звезды. Они — над тобой и под тобой. Кажется, стоит сделать шаг, и выйдешь в открытый космос.

Потом мы горланили «эй, баргузин, пошевеливай вал...», и Энрике с Анатолием выплясывали в обнимку, пока не снесли палатку. В этот вечер мы уговорили четыре поллитровки на троих: Ваня, как истинный спортсмен, устоял против натиска и пить не стал. Наутро, с трудом выбравшись на свет (почему такое яркое солнце? почему такой шумный Байкал?), я застал Энрике сидящим на камне рядом со сваленной палаткой (вчера после танцевального фиаско он кричал, что не позволит никому из нас ставить его палатку заново; он, техасский рейнджер Энрике Иглесиас, будет спать, завернувшись в нее, как в одеяло).

— Как самочувствие, Энрике?

— Да так... Послушай, Алекс, мне нужно с тобой поговорить. Понимаешь, ведь я никогда раньше не пил водку и не знаю, когда надо остановиться... Ночью мне было худо. Я проснулся от того, что вот-вот стошнит, и побежал в гору. Бежал со всех ног, потом карабкался, как учил Ваня. Не знаю, как мне это удалось, но я, кажется, залез на самую вершину. И там, наверху, меня стало рвать. Мне очень стыдно, но хорошо хотя бы, что это произошло там, а не прямо в лагере...

Я посмотрел под ноги и, как и следовало ожидать, увидел рядом со своим ботинком результат его ночного катарсиса.

— Не хочу тебя расстраивать, Энрике, но, по-моему, ты все-таки не добрался до вершины горы.

Бедный Энрике! Чего только ему не пришлось пережить за эту поездку. В Сибири его заставляли пить водку, а в Москве штрафовали за распитие пива в Александровском саду. Во время купания в Байкале он потерял очки и все оставшееся время беспомощно щурился, как Пьер Безухов. В одном из кафе города Якутска он наконец познакомился с англоговорящей девушкой и немедленно влюбился, но через некоторое время выяснилось, что эту якутскую красавицу можно любить только за определенную плату. И в довершение ко всему где-то в сибирской

тайге его укусил энцефалитный клещ, и по возвращении в Нью-Йорк он провел без малого три недели в инфекционной палате Корнельского госпиталя. Слава Богу, все обошлось без долгосрочных последствий.

5.

На девятый день поезд вез нас по бесконечной железной дороге, перепоясавшей огромные пространства страны. Если слово «Сибирь» у западного человека вызывает самые мрачные ассоциации, то словосочетание «Транссибирская магистраль», напротив, ассоциируется с захватывающими приключениями, которые дано испытать немногим и о которых непременно нужно писать поэмы а-ля Блез Сандрар или романы-травелоги, претендующие на бестселлер. Один из таких травелогов некоторое время назад был опубликован в журнале «Нью-Йоркер». Этот бесконечный текст о путешествии по Транссибу был написан англоязычным автором для англоязычной аудитории, но, если бы его прочли сами жители Сибири, они бы тоже открыли для себя много нового. Например, что все Забайкалье поросло сорной травой *morikovnik*. Или что человека, которого американский автор взял в проводники, звали Vitya, а уменьшительное от Vitya — это Volodya.

И вот я тоже еду по Транссибирской магистрали, русский американец, сохранивший язык в память о детстве и вернувшийся через шестнадцать лет, чтобы заменить эту память чем-то еще. Впереди перелет в Якутск, сплав по притоку Лены, потом — обратно в Москву, где уже ничего не узнать, даже на родной улице Демьяна Бедного. А сейчас перед глазами сплошная тайга, и мой слух ласкают названия станций: «Большой луг», «Голубые ели», «Темная падь», «Чертова гора», «Земляничный». Пассажиры таращатся на техасского мексиканца Энрике, но он уже привык к их испытующим взглядам.

— Интересно, Алекс, куда это они все в такую рань?

— Ну, мало ли. Может, по грибы, — предполагаю я, — а может, за лекарственными растениями.

Во время похода с Ваней и Анатолием Макарычем мы тоже приобщились к сбору целебных трав и обнаружили следующее: никакого *morikovnik*'а здесь нет, зато есть курильский чай, саранка, грушанка, чабрец, бадан и саган-дайля. А что еще нужно?